

Сергей Кинякин

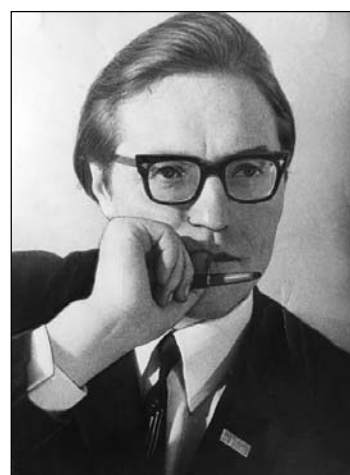
Я ЖИВУ И ТРЕВОЖУСЬ

ПОЭТ МИЛОСТЬЮ БОЖЬЕЙ

1937-й — год своеобразный, и запомнился он не только печально известными массовыми репрессиями, а еще и продолжающейся индустриализацией огромной страны с емким названием СССР. Открывались новые комсомольские стройки, осваивались сибирские просторы. Молодежь манило небо, звали к себе моря и океаны. В честь столетия Александра Пушкина была выпущена почтовая марка.

В 1937 году в молодой рабочей семье Кинякиных Василия Федоровича и Прасковьи Герасимовны родился сын Сергей. И все было у них не так уж и плохо. Имелся хоть небольшой, но все же угол для жилья. Жили с надеждой на лучшее будущее. И вдруг нежданно-негаданно на страну Советов обрушилась война, мощным черным катком подминая под себя большие и малые села и города. Кинякины приняли безотлагательное решение вернуться в родительский дом, на малую родину в Мордовию, в село Пичпанду Зубово-Полянского района. Сергею в то время исполнилось всего четыре года. Он уже осознанно понимал: вокруг что-то происходит невероятное, страшное. Заплаканные лица женщин, угрюмые мужчины, не вынимающие изо рта самокрутки. Сергей впитывал в себе, как губка, все ужасы военного лихолетья. Отца забрали на фронт, и он погиб в первые же месяцы войны. Несладко приходилось овдовевшей Прасковье. Она, собрав волю в кулак, трудилась на износ. Перед ней стояла одна и самая важная задача: поставить Сергея на ноги, дать ему достойное образование. Еще никто в те годы в селе не знал, что рядом с ними живет не простой мальчик Сережа, а большой поэт-лирик. И только он, как никто другой, мог впоследствии написать щемящее душу стихотворение «Я небольшим тогда был...». Сергей с фотографической точностью воспроизвел картину полуголодной сельской жизни и уход отца из дома на войну:

В последний раз
Мелькнул картуз за ельником,
Остались лишь последние слова...
Потом мне часто
Приходилось венником
Мести в закутке
Камни-жернова.

Сергей Кинякин

Ну, что возьмешь с них?

Каменюки голые,
Мести сто раз —
Напрасные труды...
И навевают мысли неселые
Щи из воды и хлеб —
Из лебеды.

Сергей Кинякин, окончив Ачадовскую среднюю школу (там он учился после неполной Пичпандинской школы), благополучно поступил в Мордовский государственный университет на филологическое отделение. Быстро промчались студенческие годы. В 1960 году он пришел работать старшим редактором художественной литературы Мордовского книжного издательства. Свое первое стихотворение «Миронь гуляня» («Голубь мира») появилось в газете «Мокшенгь правда». И это был действительно голубь — голубь высокого полета, взлетевший в поднебесье поэзии. Поэту тогда минуло все-

го двадцать лет. Он начал познавать вкус мордовского и русского языка, на котором писал его любимый поэт Александр Пушкин. К первой своей книге он подошел с хорошим багажом накопленных знаний. Книга «Эряфсь и вельгомась» («Жизнь и любовь») вышла в год его тридцатилетия. И стало понятно, что в мордовскую и русскую в целом литературу пришел поэт со своим голосом, своим видением мира, сложного и противоречивого.

Сергей Васильевич, работая ответственным секретарем журнала «Мокша», набрал творческую силу как поэт и как переводчик. На мокшанский язык перевел карело-финский эпос «Калевала», поэму Я. Кулдуркаева «Эрмель» и ряд классиков русской литературы — в первую очередь, светоча русской поэзии Александра Пушкина. Он вел семинары творческой молодежи, через его руки прошли сотни рукописей — из них он выуживал юные дарования, и это у него хорошо получалось.

В перечне наименований произведений поэта есть книга «Инь мазысьс» («Самая красивая»). За эту книгу поэт получил премию Ленинского комсомола Мордовии.

Сергей Васильевич воспевал любовь и верность. На первом месте у него была ее величество Женщина. И как он аккуратен и бережен к каждому слову, к каждому посвящению любимой:

Что говорить? —
Ты красива,
Звездочкой яркой
Сияешь.
Сколько в красе твоей
Силы —
Даже сама ты
Не знаешь.

На особом месте в стихотворениях Сергея Кинякина стоит мама Прасковья Григорьевна — боль его души. Он терзался от того, что нечастыми бывают встречи с ней, а как хочется порой поговорить наедине о пережитом, о трудном детстве, о тяжелой маминной работе в колхозе. Нелегко приходилось вдовам в послевоенное время воспитывать детей, которых в годы войны именовали подранками. Точное и глубокое определение.

Родная, здравствуй...
Близок час свиданья.
Приеду я в твою седую даль.
Вся жизнь твоя проходит в ожиданье,
Вся жизнь твоя — разлука и печаль.
И не совсем ты веришь мне порою
И плачешь — в самом деле ль встрече быть?
Приеду я...
Мы вспомним все бывшее,
С клубка годов разматывая нить.

После прочтения таких строк остается только восторгаться образностью языка, точному попаданию каждого слова в тему.

Сергей любил жизнь, любил друзей и дружеские посиделки с ними. Когда в 1988 году его избрали заместителем председателя отделения Союза писателей в Мордовии, словно вся литературная братия переместилась в его кабинет. Там развертывались шумные дискуссии на предмет, кто чего стоит в отечественной и мордовской литературе. Сергей Васильевич являлся отменным спорщиком.

А еще в кабинете зампреда разворачивались настоящие шахматные баталии. В них принимали участие народные писатели Мордовии Михаил Трофимович Петров, Федор Константинович Андрианов, иногда к ним примыкал Заслуженный писатель Григорий Ильич Пинясов и, конечно же, хозяин шумного кабинета. Они оспаривали негласный титул на звание «лучшего шахматиста вечера». И этот шахматный турнир заканчивался, когда в дверь заглядывал вахтер: «Все, по домам, скоро и автобусы перестанут ходить». Писатели не прекословили, разъезжались по домам.

Сергей Васильевич с уважением относился к ветеранам войны. Крепкая дружба его связывала с Ф.К. Андриановым, десантником и разведчиком. В одном из боев у него по самое плечо срезало руку. Поэт посвятил товарищу одно из лучших своих стихотворений «Рука»:

И встал над окопом, смертью объятый,
Под изрыгающий смерть пулемет,
Он вместе с рукою швырнул гранату
И вместе со взрывом шагнул вперед.
...Рука...
И одной он сделал немало:
Она надежно и без затей
Книги писала, жену обнимала
И по-отцовски ласкала детей...

В этом стихотворении драматизация ужасов войны доведена до предела, до высшей точки кипения.

Сергей Васильевич — из когорты таких поэтов, как Рубцов из Архангельской области, Прасолов из Воронежа, Попов из Орла. Они родились в преддверии войны, их судьбы схожи одна с другой. Они надежно и основательно влились в общий хор большой российской поэзии.

В 1997 году на мордово-мокша и русском языках вышла в свет книга — «Сизеф влашень вайгаль» («Голос уставшей лошади»). Необычное для литературы название. В среде любителей изящной словесности она наделала немало шума, дескать, куда движемся, это упадническая поэзия, она не несет ничего позитивного. Единогласия не было — книга взорвала устоявшиеся каноны. Находились, думается их было большинство, и сторонники новаторской поэзии Сергея Кинякина, ставшего при жизни классиком мордовской литературы.

Споры стихли, пена сошла. Книга, как говорят в молодежной среде, оказалась «классной». Во всех проявлениях в ней ощущается биение жизни. Я не могу чи-

тать спокойно стихотворение «Сосновый бор» из книги «Голос уставшей лошади». На мой взгляд, возможно, что и ошибаюсь, оно написано в духе баллад Роберта Бернса в переводах Маршака. Удивителен запев стихотворения:

Когда ты молод и красив,
Когда и море — по колено,
Когда еще ты полон сил
И жажды каждой перемены;
Когда не вызывает боль
Ни эта синь,
Ни это поле,
Когда не сделано тобой,
Быть может даже сотой доли;
Когда еще в твоей судьбе,
Все кажется намного проще,
Как недвусмысленно зовет
Березовая роща!

Стихотворение большое, а вот его сердцевина, читаешь — и мороз прошибает:

...На месте, где росли они,
Могучи силой удалою,
Теперь остались только пни
С натечной липкою смолою.
Наш трудный век суров и груб,
Он сказки переделал в были.
Тот великан пошел на сруб,
Того на доски распилили...

Такая вот аллегория — 1937 год. Какой простор в этом стихотворении, какая свободы мысли! Стихотворение хочется перечитывать еще и еще. Поэт неповторим, и этим можно только восхищаться. Многие произведения мастера созданы более полувека назад, но они, как и прежде, свежи и изящны.

Сергей Кинякин — автор слов гимна Республики Мордовия, положенных на музыку известным композитором Ниной Кошелевой. В 1998 году был награжден орденом Почета. Стал лауреатом государственной премии, Народным поэтом Республики Мордовия.

Умер поэт в 2019 году.

*Геннадий ПЕТЕЛИН,
Заслуженный писатель Республики Мордовия.
Поселок Зубова Поляна*

РАЗГОВОР С СЫНОМ

Я немало на свете прожил
И отметил с грустью не раз:
Наши дети на нас не похожи,
Не похожи они на нас.

И с моим ни сладу, ни спасу —
Спор рождают даже штаны:
Натянул на себя «адидасы»
Из какой-то заморской страны.

Я в рубахе ходил домотканой,
В стариковских топал лаптях,
Но доселе есть — как ни странно —
Сила в мышцах и крепость в костях...

Он, гляжу, вот-вот захочет,
Он улыбку прячет в горсти:
— Я потопал бы в лапоточках,
Только некому их плести.
Ну, а эти штаны достали
В том селе, где ты вырос сам...

— Хватит, — вспыхиваю, — зубоскалить,
В твои годы я, знаешь, там...

Не желает дослушать:
— Знаю,
Навалились круто дела,
И тебя тропинка кривая
Из деревни родной увела.
В легкомыслии не покаюсь,
Хоть подъемы будут круты,
Я туда теперь собираюсь
Пожинать, что посеял ты...

Я взбешен, я готов сорваться:
— А «военка», диплом, мечты?!
Он спокойно:
— В свои девятнадцать
Генералом ведь не был и ты...
И с улыбкою, без обиды
Добивает меня пострел:
— Старость молодости завидует,
Просто ты, отец, постарел...

Я немало на свете пожил,
Отмечаю без грусти сейчас:
Наши дети на нас не похожи,
Не похожи они на нас.

Я ЖИВУ И ТРЕВОЖУСЬ

А.В. Алешкину

Я живу и тревожусь —
Оттого, что вокруг себя
Вижу только улыбки
(Мечтайте об этом чуде).
Всем я друг,
Потому, не кляня, а любя,
Окружают меня хорошие люди.

Я живу и тревожусь —
Оттого, что уверен: так
Не бывает,
Чтобы все и всегда любили.
Может, попросту я —
Великий чудак и простака?
Или это мне с детства в голову вбили?

Я живу и тревожусь —
Оттого, что и друга враги
Приголубят меня,
Улыбнутся — и враз приголубят.
Если ж друг позовет,
Мол, врагов одолеть помоги!
Как же я помогу, коль они меня любят?..

Я живу и тревожусь,
Что вот, неожиданно, вдруг
(Не могу отвязаться
От этой назойливой мысли)
Посчитает врагом меня
Лучший и преданный друг —
Просто преданный друг —
В самом ясном
Предательском смысле.

Я живу и тревожусь,
Что мало священного зла
В моем сердце,
Но все ж нахожу оправданье:
Дескать, мне повезло,
И душевного хватит тепла
На друзей и врагов.
Но напрасны старанья.

Я живу, и тревожусь,
И долго смотрю, как в окне
Тучно солнце висит
И цветы погибают от зноя.
Я живу и тревожусь,
Что нет человека во мне,
Нет во мне человека,
Который подрался б со мною...

РУКА

*Ветерану войны и труда
Ф.К. Андрианову*

Рука похоронена честь по чести —
Как человек, настоящий солдат...

Небо горячей грохочущей жестью
Падало, рушилось на Сталинград.

Зло огрызались брустверы, башни,
Злость перехлестывала через край...
Выход один: идти в рукопашный.
И под-на Волгой взметнулось «ура».

И встал над окопом, смертью объятый,
Под изрыгающий смерть пулемет,
Он вместе с рукою швырнул гранату
И вместе со взрывом шагнул вперед.

Осталось в памяти зарево боя,
Вражских позиций крутые рога...

Нет, не двумя — одной рукою
Он в черной траншее душил врага.

И лишь когда оторвали от фрица,
Он за пустой схватился рукав...
Волжский песок, его кровь впитав,
Ему до ныне все снится, снится.

Рука...
И одной он сделал немало:
Она надежно и без затей
Книги писала, жену обнимала
И по-отцовски ласкала детей.

Двум бы рукам сподручнее вместе,
Но ни к чему сожалеющий взгляд...
А рука похоронена честь по чести —
Как человек, настоящий солдат.

* * *

Да, конечно, спору нет:
В работе
За тобой
Угнаться нелегко.
У начальства
Ты в таком почете,
Что пойдешь,
Наверно, далеко!

Продвиженья
Верная примета —
Тут сомнению
Место есть едва ль:
К твоему
Красивому портрету
Неспроста
Прибавили медаль!

Так за что же я
Попал в немилость?
Или славу
Не ценю твою?
Ты сама
Настолько изменилась,
Даже я
Порой не узнаю.

Пилишь, пилишь —
Так ты попрекаешь! —
Дескать, я и груб,
И нехорош,
Дескать, ты со мною
Погибаешь,
Пропадаешь даром,
Ни за грош!

Милая!
Ведь жизнь —
Такая штука!
Есть в ней единицы
И нули,
Но попробуй отдели их,
Ну-ка!
Это ж — как без пешек
Короли!